

РЕЦЕНЗИИ

Л. И. Ц и л е в и ч. Стил чеховского рассказа. Даугавпилс, 1994. 246 с.

В изучении классики пришла пора собирать камни — подводить итоги сделанного, постигнутого. Это необходимо и для определения меры познавательных достижений, и для уяснения перспектив дальнейшего исследования. Сказанное в полной мере относится к чеховедению. Литература о Чехове огромна, одно ее библиографическое описание составило бы солидный том. Внимательный взгляд без труда обнаружит аспекты, слагаемые чеховианы, активное познание неизбежно расчленяет исследуемый объект. К числу твердо обозначившихся слагаемых надо отнести проблему чеховского рассказа, этой проблеме посвящено немало специальных штудий. Каковы их результаты? Над этим заставляет задуматься монография Л. И. Цилевича.

Л. Цилевич — чеховед с весомым «стажем», исчисляемым почти двумя десятилетиями. Имя его хорошо известно специалистам, работы его не вчера стали достоянием научного обихода. И в рассматриваемой монографии видится акт подытоживания, суммирования (список предшествующих публикаций автора, приложенный к тексту книги, словно бы удостоверяет идею суммы). При этом изложение изобилует цитатами — большей частью к месту и по необходимости приводятся формулы, выводы, принадлежащие другим чеховедам. Суммируя свое, Л. Цилевич вместе с тем фиксирует общие условия в осмыслении выделенной проблемы. Стил, как он здесь толкуется, сомасштабен художественной системе жанра; по существу, под знаком итога характеризуется поэтика чеховского рассказа.

«Элементы художественной системы произведения — речевой строй и сюжет» (с. 15), на них и сосредоточено преимущественное внимание исследователя. Ему важно установить принципиальные особенности функционирования «малой прозы» Чехова.

При объяснении «речевого строя» (повествования) на первый план выдвигается понятие

повествователя. Как лицо повествователь у Чехова, за редчайшим исключением, отсутствует, тем не менее роль его, по Л. Цилевичу, велика. Он — субъект восприятия людей и вещей (знаки этого в тексте обильны: «слышно было», «казалось» и т. п.), он — незримый «посредник между автором и читателем (и одновременно между автором и персонажами)» (с. 20). Благодаря «посреднику» личность Чехова «воздействует на читателя даже тогда, когда читатель об этом не подозревает» (с. 23); читателю «кажется, что он встречается лицом к лицу с самой жизнью», «но на самом деле, сам того не сознавая, оценивает все увиденное с точки зрения автора» (с. 20). Диалектика читательского впечатления конкретизируется по ходу тщательного, даже скрупулезного анализа ряда рассказов зрелого Чехова (в их числе — «Ионыч», «Учитель словесности», «Дама с собачкой»); анализ наглядно демонстрирует — и в объеме повествовательного целого, и на уровне его микрокомпонентов — сложные, подвижные связи повествователя и центрального героя, повествователя и персонажизированных носителей группового мнения. Получает точную трактовку нередкий у Чехова поворот в живевосприятии персонажа: повествователь подмечает изменения, незаметные для того, о ком повествуется, и постепенное накопление этих изменений порождает эффект «ожидаемой неожиданности» (с. 32).

Продуктивность изложенной концепции несомненна, и все же в одном пункте она вызывает сомнения. В завершение разговора о «речевом строе» повествователь назван выразителем «авторского сознания» (с. 57), но если так, то его посредничество теряет самостоятельную функцию, и сам он видится ипостасью эстетического автора. Думается, термин «автор-повествователь» (предлагаемый другими чеховедами) здесь более уместен. Преимущества этого термина особенно наглядны при обращении к кульминационным эпизодам «малой прозы». Чеховские